Эти четыре женщины устроили драму. Когда они увидели секретаря отдела Ли, то начали бесконечно плакать, громко и жалобно причитая, а затем начали бросаться обвинениями:

— Секретарь Ли, она злой человек, который вступает в сговор с хулиганами! Скажите ей, чтобы она пересмотрела свое поведение.

— Она пугала людей и угрожала обратиться в полицию!

У секретаря Ли осунулось лицо, и он со злобой произнес:

— Ваши мужья славно дрались на глазах у всей команды! Немедленно возвращайтесь! Не выходите на работу, пока не осознаете свои ошибки. Я бы предпочел, чтобы проект продвигался медленнее, чем на нем работали бы такие нарушители, как вы!

Четыре женщины почувствовали себя так, словно их поразил гром. Хотя копать канаву очень утомительно, они могли заработать много очков за работу. После тяжелого дня в руках оказывалось десять рабочих очков. Где еще они могли получить так много?

Женщины вытерли слезы – секретарь был на стороне второго сына семьи Хэ, и это приводило их в ярость.

— Мой муж был избит и сейчас поправляется в постели. Он не может выполнять никакую работу. Теперь и я потеряла эту работу, как же моя семья сможет выжить?

В это время Ли Дали тоже услышал новости и произнес мрачным голосом:

— В чем дело? Вы все еще плачете, сколько вам лет?

В звучном голосе Ли Дали появились гневные нотки, и четыре женщины смогли только снова утереть слезы. Они не смели плакать, но в душе горевали.

Ли Дали также добавил:

— Ссориться и проворачивать трюки! Такое поведение категорически запрещено! На этот раз ваши люди ошиблись, но и второй Хэ тоже неправ. Обе стороны должны пересмотреть свои действия. Вы должны запомнить этот урок и постараться исправить ситуацию. Приходите на работу, когда поймете.

Он посмотрел на женщин и мрачно добавил:

— Не обижайтесь и даже не думайте о том, чтобы затаить обиду! Если товарищ Чжао подаст в

суд, то полиция арестует всех виновных. У меня, как у вашего капитана, не будет никакого достоинства.

После этой перепалки и ругани четыре женщины покорно ушли, не смея держать обиду в своем сердце. Капитан сказал, что это их мужья создали проблемы, а потом они же их и усугубили.

Ли Дали просто сказал пару слов и сразу же успокоил людей, Чжао Ланьсян увидела, что он был вполне убедителен.

Она с улыбкой поблагодарила:

— Спасибо, капитан.

Ли Дали ответил глубоким голосом:

— Ты молодая девушка, которая очень хорошо умеет держать себя в руках, — он сделал паузу и продолжил: — Даже если ты обратишься в полицию, групповая драка – это очень серьезно. Драка на стройке выбьет из колеи всю деревню. Поэтому вместо этого бригада откроет совещание по обзору и критике, семья Хэ, их второй сын и эти люди должны будут прийти и дать свои показания.

Хотя Ли Дали целыми днями тяжело работал, в душе он по-прежнему уважал культурных людей, а также заботился об образованной молодежи, что было редкостью в деревне. У него не было формального образования, в отличие от капитана команды из соседней деревни, который учился в университете и с помощью технологий объяснял членам команды, как выращивать еду научным способом, в результате чего каждый год собирался огромный урожай. Ли Дали завидовал ему. Он знал, что страдает из-за недостатка образования, поэтому обратился за помощью к образованным молодым людям. Хотя эти студенты не были хороши в сельском хозяйстве, они обладали редким энтузиазмом, поэтому Ли Дали смог вооружить свою первую производственную команду инновационными знаниями.

Конечно, Чжао Ланьсян была недовольна, но ситуация с наказанием каждой стороны уже была для Ли Дали самым «терпимым» компромиссом. Она сказала командиру:

— Если люди, которые избили второго брата Хэ, готовы извиниться, я могу забыть об этом.

Ли Дали, не задумываясь, ответил:

— Это хорошо.

Закончив разговор, он ушел вместе с секретарем Ли.

Чжао Ланьсян пошла в комнату Хэ Сунбая, чтобы посмотреть, что случилось.

Сестра Хэ сильно била его по голове и ругала:

— Драка, опять драка. Кто велел тебе драться? Ты не слушаешься. Бабушка будет грустить и умрет.

Вчера Хэ Санья, плача, пыталась найти бабушку, но не нашла ее и пошла к Чжао Ланьсян. Теперь старшая сестра Хэ не решалась отпустить брата к бабушке. Узрев его хромой потрепанный вид, как бы огорчилась пожилая женщина!

Сестра Хэ не знала, почему ее брат подрался с другими, она только подумала, что он снова совершил ошибку. Хэ Сунбай не стал уклоняться от ее ударов или опровергать ее слова, он покорно позволил старшей сестре отругать себя.

Чжао Ланьсян, увидев это невыносимое зрелище за окном, вбежала внутрь, пытаясь остановить сестру Хэ от избиения брата. Но, приглядевшись, она поняла, что сестра Хэ не использовала много силы, ее рука не причинила ему никакого вреда, поэтому в конце концов Чжао Ланьсян не стала открывать рот.

После того как сестра Хэ закончила учить брата и ушла, Чжао Ланьсян прокралась в комнату Хэ Сунбая.

— Ты упал на пол?

Хэ Сунбай яростно сжал губы:

— Ты можешь убрать эти вещи подальше?

Чжао Ланьсян внимательно посмотрела на него и не смогла удержаться от смеха. Хэ Сунбай и так был худым. После добавления этих досок он стал похож на тощее пугало. Его ноги были похожи на стрелки компаса. Закончив смеяться, она с горечью произнесла:

— Твоя старшая сестра права, ты больше не можешь встревать в драки. На этот раз за тебя заступился капитан, и на следующей неделе ты пойдешь на совещание, чтобы глубоко поразмыслить над собой.

Хэ Сунбай облегченно хмыкнул. Чжао Ланьсян легонько погладила его по голове и спросила:

— Ты знаешь, как написать отзыв? — помедлив, она продолжила: — Я говорю тебе, что отзыв должен ошеломить врага. Ты должен быть позитивным и стратегически эвфемистичным. Что не так с тем, что твой предок был домовладельцем? Если ты проведешь серьезный анализ и он

будет принят, то неразумные групповые избиения будут расценены как нарушение гармонии и дружбы в коллективе деревни, разрушение производства и подрыв социализма. Если ты будешь усердно работать, поднимешь голову и встанешь перед всеми, как мужчина, никто не посмеет смотреть на тебя свысока, окружающие не посмеют тебя недооценивать.

Через несколько лет все изменится, и семья Хэ встанет с колен. Кто посмеет недооценить их? Через два года позорная «шляпа» будет снята…

Чжао Ланьсян произнесла эти слова, а Хэ Сунбай вдруг взял ее за руку и тихо прошептал:

— Хорошо, я тебя послушаюсь.

Чжао Ланьсян внезапно покраснела и пожалела о своей необдуманной и глупой лекции. Как она могла просто показать что-то настолько поверхностное перед этим «коммерческим хищником» будущего? Девушка слегка кашлянула и произнесла:

— Короче говоря… пусть жители деревни поймут, что ты искренне заботишься о коллективном благе общины, не позволяй им понять тебя неправильно.

Хотя Хэ Сунбай выглядел спокойным, в его сердце царил хаос, обжигающее чувство сжигало его изнутри. Обычное безразличие в его глазах полностью пропало. Казалось, он чувствовал, как огонь сжигает его тело и разум, позволяя ему наконец ощутить свет и силу. Эта женщина действительно заботилась о нем! Помимо своих близких, Хэ Сунбай никогда не чувствовал заботы со стороны других людей!

Он изо всех сил старался сдерживать дрожь в голосе, чтобы не казаться слишком странным.

— Выслушаешь ли ты его? — спросил он.

Чжао Ланьсян энергично кивнула:

— Конечно. Может быть, читать отзыв будет неловко, но в жизни человека всегда будут ошибки – невозможно всегда все делать правильно.

Чжао Ланьсян видела, что хотя многие люди презирали помещичье происхождение семьи Хэ, Ли Дали не казался таким предвзятым по отношению к Хэ Сунбаю. Иначе он не пришел бы на помощь во время «осады». Это просто отзыв, это не критика, так что им не стоило беспокоиться.

На самом деле, Чжао Ланьсян больше боялась того, что Хэ Сунбай будет избивать людей. Хотя отзыв будет позорным, для тех, кто его переживет, он оставит глубокий след в их сердцах и заставит дважды подумать о последствиях в будущем.

Закончив разговор о собрании, она внезапно сменила тему и спросила Хэ Сунбая:

— Ну… не хочешь ли ты завтра поесть куриного супа?

Чжао Ланьсян вспомнила, как в больнице он осторожно ел вонтоны, говоря, что раньше не ел белую муку и у него не было подходящей одежды. Ей стало грустно.

Раньше она была уверена, что Хэ Сунбай был просто холодным и свирепым человеком. Она готовила ему еду, а он посмел игнорировать ее. Но теперь, когда их отношения расцвели, она могла кормить его честным и справедливым образом. Ее старик был очень хорош собой, и в журналах СМИ его называли генералом торгового центра. Молодой и энергичный вариант перед ней был, конечно, тоже неплох. Он родился с красивым профилем.

Хэ Сунбай решительно покачал головой и напомнил ей жестким тоном:

— Не трать на меня деньги, мужчины не должны тратить деньги женщин.

Его тело было изранено, и он уже нервничал из-за того, что не мог работать. Его жизнь стоила дешево, и он был недостаточно хорош для того, чтобы кто-то так кормил его. Зачем кормить его каким-то куриным супом, это было бы пустой тратой.

Закончив говорить, он вдруг успокоился и обнаружил, что девушка опирается на его кровать.

Лицо Хэ Сунбая помрачнело, и он указал на что-то рядом с собой:

— Вот табурет, садись туда.

Для него было лучше, чтобы он не просыпался. Как только он просыпался, его виски внезапно начинали болеть. Он указал на шею девушки и сказал:

— И твоя одежда.

Чжао Ланьсян быстро опустила взгляд на свое платье и обнаружила, что из-за того, что она лежала рядом с кроватью, ее воротник был немного мятым. Под ним ничего не было видно, но лицо Хэ Сунбая помрачнело еще больше. Парень с горечью поднял брови и сказал:

— Возвращайся, у меня есть сестра, которая обо мне позаботится.

Чжао Ланьсян кивнула и вышла.

Хэ Сунбай медленно и напряженно поднялся, подошел и закрыл дверь. Хотя он тайно

согласился на отношения с Чжао Ланьсян, он не считал себя ее парнем. Он знал, что рано или поздно эта девушка сбежит. Поскольку все это было только понарошку, он сделал бы все возможное, чтобы защитить ее невинность и позволить ей в будущем высоко держать голову, когда она будет разговаривать со своими друзьями.

«Но… это неправильно, она поцеловала меня…»

Когда Хэ Сунбай думал об этом, его потрясенный мозг начинал еще сильнее волноваться.

***

На следующий день Чжао Ланьсян и Чжоу Цзячжэнь отправились в уездный город перед самым рассветом. Чжоу Цзячжэнь отправилась купить немного муки, подходящей для всех блюд, а Чжао Ланьсян – курицу.

Перед магазином уже образовалась длинная очередь. Почти все люди нацелились на жирное белое мясо и муку хорошего качества. Чжао Ланьсян встала в очередь за курицей и вытащила талоны на полтора килограмма мяса.

Продавец в магазине держал большой тесак, и тот, до кого доходила очередь, должен был купить то, что он разделал, исключений не было. Если вам не везло, вы могли остаться с куриными шеями, крыльями и обрезками. Бесполезно жаловаться на невезение. В эти годы продавец был Богом. Чтобы избежать этой ситуации, Чжао Ланьсян прямо попросила половину курицы.

Продавец разрезал ее ножом, оставив нижнюю часть курицы Чжао Ланьсян, а шею и голову положил на разделочную доску.

— Спасибо, спасибо.

Девушка поблагодарила его, затем взяла половину задней части курицы и вышла из длинной очереди «дракона». Хотя задняя часть курицы казалась грязной, она была достаточно мясистой. Чжао Ланьсян не могла этого понять, но было много людей, которые любили есть это. Например, Хэ Сунбай.

Чжоу Цзячжэнь купила несколько килограммов муки и спросила:

— Тебе надо еще что-нибудь?

Чжао Ланьсян покачала головой и ответила:

— Пойдем на почту, посмотрим, есть ли для меня новые письма.

Когда Чжао Ланьсян пришла на почту, то достала удостоверение и взяла свою посылку. Она поняла, что та была довольно увесистой. На почте она случайно встретила Цзян Ли, которая, облокотившись на стол, быстро писала письмо.

Вскоре Цзян Ли закончила писать, сложила письмо, прилепила марку и бросила его в почтовый ящик. Девушка не заметила ни Чжао Ланьсян, ни Чжоу Цзячжэнь и поспешила покинуть почтовое отделение.

Чжао Ланьсян открыла посылку и обнаружила письмо от матери, которая также прислала солодовое молоко. Она с радостью прочла письмо, когда они возвращались обратно. Там были описаны лишь банальные повседневные события: сяо Хуцзы ходил в школу, а дедушка занимался с кучей детей во дворе. Когда у сяо Хуцзы появлялось свободное время в выходные, его отправляли к дедушке на «тренировку». Несмотря на то, что содержание было простым и коротким, Чжао Ланьсян перечитала письмо несколько раз.

Чжоу Цзячжэнь рассмеялась и пошутила:

— Ты все еще так счастлива читать письма от матери.

Чжао Ланьсян сложила письмо и аккуратно положила его в карман. Каждый раз, когда она получала письма, для нее это было самое счастливое время. Однако, глядя на талоны на еду и деньги, которые присылали родители, девушка всегда чувствовала себя виноватой за то, что принимала их. Она смогла сама добиться экономической независимости, но сказать им об этом будет трудно.

Чжао Ланьсян могла себе представить их реакцию: если она скажет об этом прямо, ее родители, которые жили честно и прямолинейно, будут напуганы таким спекулятивным поведением дочери. Поэтому она решила, что должна скрывать этот вопрос до 1978 года, когда по земле пронесется счастливый «весенний ветерок».

Чжоу Цзячжэнь с чувством обратилась к Чжао Ланьсян:

— После того, как ты останешься здесь надолго, то постепенно будешь оказываться все дальше и дальше от дома.

Она опустила глаза, выражение ее лица казалось потерянным.

Чжао Ланьсян, которая отвлеклась от мыслей о том, что она скучает по родителям, мягко утешила ее:

— Ты хочешь поехать домой?

Чжоу Цзячжэнь кивнула, ее глаза были немного красными и было видно, что она готова

заплакать.

— Какой ребенок, покинувший дом, не хочет вернуться? — Чжоу Цзячжэнь, вздохнув, добавила: — Я не знаю, сколько раз я плакала в подушку в первый год после приезда в деревню. В то время я отправилась сюда, чтобы заработать денег на пропитание. Каждый год во время Праздника весны я садилась на поезд, чтобы вернуться домой. Это было мое самое счастливое время. Я часто думаю, как было бы хорошо, если бы я могла вернуться домой! Даже если мне придется вернуться и выполнять самую тяжелую и изнурительную работу, я не боюсь, буду копать, добывать уголь или заниматься железнодорожной рутиной. Я могу вынести любые трудности. Но я просто боюсь…

Она была переполнена горем, и ее слезы внезапно хлынули наружу.

— Я просто боюсь, что мои родители дома внезапно заболеют… или станут неполноценными, и я не смогу уехать и выполнить хоть какое-то дочернее благочестие. Такова печаль, которую должны нести уезжающие дети.

Чжоу Цзячжэнь приняла незнакомые слова «Уход из дома». Она не хотела пускать корни в деревне Хэцзы, как бы ни был хорош здешний пейзаж, как бы ни были увлечены товарищи и серьезны – учителя. Если бы здесь не было ее родителей… Это место никогда не стало бы ее домом.

Она совсем не хотела жить с семьей в этой канаве!

Когда Чжоу Цзячжэнь с воодушевлением и энтузиазмом просила найти ей место в деревне, она никогда не думала, что невозможность вернуться домой станет для нее самым большим препятствием! Она в слезах тосковала по дому, стоя на больших одиноких улицах, по которым то и дело проходили незнакомые люди. Один или два пешехода иногда останавливались и смотрели на нее, видя печаль в ее глазах, с ободрением и утешением на лице, но потом продолжали идти вперед.

Кому в мире не было так грустно, что хотелось плакать? Одни плакали внешне, другие прятали свое горе в сердце.

Чжао Ланьсян была напугана слезами Чжоу Цзячжэнь. Она долго молчала, прежде чем произнести:

— Если ты мне веришь, то я обещаю, что ты сможешь вернуться домой в течение двух лет.

Чжоу Цзячжэнь вытерла слезы рукавом, грустно фыркнула и спросила:

— Как я могу тебе верить, ты что, пророк?

— Я не уверена, что более духовна, чем пророк.

Чжао Ланьсян задумалась и почувствовала сильное беспокойство. Проходя мимо книжного магазина, она забежала внутрь и купила книгу для Чжоу Цзячжэнь.

В этом году количество запрещенных книг было особенно велико, поэтому запрещалось читать определенные вещи, и виды книг в книжном магазине были однообразны. Красная книга была самой продаваемой, и она стояла почти на всех стеллажах. Она уже неделю присматривалась и хотела купить Чжоу Цзячжэнь книгу под названием «Куриный суп для души»*.

П.п.: Я так понимаю, что Чжоу Цзяжэнь выступил переводчиком, на самом деле авторами книги «Куриный суп/бульон для души. Сердце уже знает» стали Джек Кэнфилд, Эми Ньюмарк и Лорен Слокум Лахав. Эта книга содержит 101 историю реальных людей, столкнувшихся в жизни с трудностями и преодолевших их. Книга носит мотивационный характер

К сожалению, она не смогла ее найти, поэтому в конце концов купила экземпляр книги «Как закалялась сталь» и подарила ее Чжоу Цзячжэнь. Этот неуклюжий способ уделить внимание в любом случае сделал Чжоу Цзячжэнь счастливой.

Старшие студенты, которые уже несколько лет прожили в сельской местности, легко впадали в депрессию после долгого пребывания здесь. В своей прошлой жизни Чжао Ланьсян никогда не входила в круг образованной молодежи, но она слышала об этом. Газеты также часто публиковали новости о самоубийствах образованных молодых людей.

Чжао Ланьсян посмотрела в глаза Чжоу Цзячжэнь и серьезно сказала:

— Несмотря на то, что дорога извилиста, твое будущее будет светлым. Когда у человека есть надежда, он не будет побежден… Продолжай учиться и усердно работать.

Чжоу Цзячжэнь ответила:

— Мне очень нравится твой подарок, спасибо! Когда-нибудь я тоже должна сделать тебе ответный подарок.

Чжао Ланьсян и Чжоу Цзячжэнь вернулись в деревню и вместе пошли в семью Хэ.

Чжао Ланьсян сказала подруге:

— Подожди меня, дай мне сначала сварить куриный бульон.

Чжоу Цзячжэнь не стала отказываться, она нашла табурет, села, с интересом открыла книгу и начала читать.

Чжао Ланьсян взяла курицу, почистила ее, разрезала на куски, полила несколькими каплями рисового вина и нарезала немного имбиря.

Курица, на самом деле, очень вкусная еда. Даже если в ней нет никаких приправ, ее можно тушить медленно и терпеливо, и все равно получится вкусный суп. Правильно подобранного времени и силы огня было бы достаточно, чтобы аромат курицы постепенно проник в суп, и золотистые кружочки масла блестели по краю, вращаясь по кругу.

Из кастрюли поднялся туманный пар, затем в кипящую воду были брошены вишнево-красные ягоды годжи. Сушеные грибы постепенно впитывали пикантный аромат курицы, выделяя собственную мягкую изюминку, и гармонично таяли в кастрюле. Чжао Ланьсян сидела перед плитой, а в глазах читалось предвкушение. Она достала миску и протянула ее Чжоу Цзячжэнь со словами:

— Кстати, я приготовила запасную миску, возьми, пожалуйста.

Чжоу Цзячжэнь погрузилась в книгу. Она подняла голову, и в ее глазах отразились непередаваемые эмоции.

В обычное время Чжоу Цзячжэнь не захотела бы есть чужую еду. Каждый раз, когда она сдержанно заканчивала трапезу, то всегда оставляла талоны на еду или мясо, но в этот раз она не хотела сдерживать себя, хотела побаловать себя хоть раз.

Девушка низко опустила голову и начала осторожно есть куриный бульон. Горячий куриный бульон был восхитителен, согревая ее до самых костей. Каждая капля бульона была настолько свежей, что сладость и буйство аромата окутали ее, как будто она свернулась калачиком в любящих объятиях матери, позволяя ей почувствовать дуновение летнего ветерка и тепло домашнего очага.

Этот куриный суп олицетворял для нее вкус дома.

Девушка с удовольствием ела, и в тот момент, когда она проглотила последнюю ложку куриного бульона, слезы внезапно хлынули наружу…

http://tl.rulate.ru/book/46619/1777253